

ПЁТР ТКАЧЕНКО

“ВО МГЛЕ МЕРЦАЮЩИЕ СТРОЧКИ...”

Поэты, как правило, приходят не оттуда, откуда их ждут. Если ждут вообще... Так, видимо, устроено восприятие и постижение мира, что зачастую люди судят о настоящем по предшествующим образцам. А потому так часто не узнают своих поэтов. Или же принимают за поэзию то, что ею не является. Как правило, от поэта ждут подтверждения своих представлений, порой основанных на случайных влияниях. А он являет нам неведомое, ибо он — «единственная новость, которая всегда нова» (Б. Пастернак). Подняться к нему труднее, чем низвергнуть с духовной бытийной высоты в быт и повседневность, подстроить под себя, что и делается обыкновенно.

Но дело поэта, назначение его состоит вовсе не в том, чтобы удивить, а то и ошарашить человека, выбить его из привычного хода жизни и повергнуть в растерянность. А напротив, явить извечную красоту мира, ибо он — сын гармонии. Явить духовную природу человека, во все времена неизменную. Явить, на какую духовную высоту может подняться человек, а не то, как он может пасть, до какой низости может дойти. Представить наше краткое земное бытие в общем течении жизни его неповторимым и необходимым звеном.

Поэзия непереложима на язык обыденной логики, иначе в ней отпала бы всякая необходимость. Она ничем не доказуема, кроме её самой. И именно в таком виде даёт нам то, что не могут дать другие сферы сознания. Но это вовсе не значит, что мы не должны предпринимать попыток её понять и объяснить, несмотря на то, что «Кому само дело не говорит за себя, тому уже не помогут толкования» (В. Белинский). В какой-то мере мы приближаемся к пониманию истинного поэта, рассматривая тип его сознания, то, какие ценности он исповедует. Но не в первую очередь через блеск или нищету его версификаторства. Это общее положение, относящееся не только к поэзии и справедливое во все времена: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь как и что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать» (Евангелие от Матфея, 10; 19).

Пожалуй, всегда, во все времена поэты жаловались на отсутствие поэзии, на вытеснение её из жизни, на покушение на неё: «Исчезнули при свете просвещения/ Поэзии ребяческие сны» (Е. Боратынский); «Теперь тебе не до стихов,/ О, слово русское родное» (Ф. Тютчев); «К поэзии чутьё утратил гордый век» (Я. Полонский); «Теперь она, как в дымке, островками» (Н. Рубцов). Но было бы наивностью понимать это в прямом смысле слова, так как жалующиеся как раз и являли высочайшие образцы поэзии, вершинные проявления человеческого и народного духа. Эти же нескончаемые жалобы — ско-

рее приметы и признаки того, как поэзия борется за своё существование, за своё право быть среди людей, оставаться в их душах. Это характеризует не поэта, а людей, слышащих поэта или отказывающихся его понимать и изгоняющих его из общества. Но дело поэта не устаревает и остаётся неизменным во все времена.

Представляя современного поэта, приходится начинать издалека, предварять это длинным вступлением, так как без этого многое останется непонятным как в поэте, так и в нашей жизни. Впрочем, это вовсе и не ново. Так В. Белинский представлял, к примеру, М. Лермонтова. Мы же, говоря об одном из самых талантливых ныне в России поэте Николае Зиновьеве из города Кореновска Краснодарского края, вынуждены это делать и потому, что переживаем в нашей духовно-мировоззренческой и культурной жизни беспрецедентное, ранее не встречаемое положение. Вот уже четверть века как у нас в России произошло неслыханное и, казалось, невозможное. Русская литература настойчиво и целенаправленно вытесняется из общественного сознания и изгоняется из образования. Причём вся – как классическая, так и современная. Разгром русской литературной традиции во многом уже состоялся.

В большинстве своём это делается не из злого умысла, а вроде бы из доброго намерения и стремления быстрее продвижения по пути прогресса и цивилизации. Несмотря на все печальные результаты такого “продвижения”. Конечно, это следствие не только нашего российского, но общемирового попущения – утраты смыслов, нарушения иерархии ценностей, перепутанности добра и зла. Но от этого не легче. Это стало возможным как результат преобладания сознания, которое можно определить как революционное, при господстве которого нещадно искореняется всякая традиция, как якобы мешающая “прогрессу”. И всё же недопущение литературы в общество является в основном рукотворным, так как носит информационно-коммуникативный характер. Доказательство тому – быстрота, с которой произошла “ликвидация” русской литературы. Рейдерский захват какого-нибудь предприятия невозможно осуществить с такой стремительностью, с какой у нас в России была “упразднена” русская литература...

Всё это характеризует не поэтов и не литературу, а переустроителей жизни на “новых”, а по сути – старых, как мир, началах. Разумеется, такое тотальное неолиберальное наступление на русскую культуру, а литературу в особенности, является проявлением общей экспансии, имеющей уже далеко не литературные и не культурные цели. Ведь у нас в России была одна безусловная величина мирового масштаба – это великая русская литература, через которую мы были слышны в мире. С пресечением литературной традиции мы утрачиваем и своё мировое значение, так как подвергаемся духовной и культурной деградации.

Результаты такой экспансии хорошо известны, не раз подтверждались нашей трагической историей. О них, к примеру, писал А. Блок в “Записке о театре” в начале миновавшего революционного века, сто лет назад: “Государству ничего не стоит при каком угодно режиме закрыть двери театров и университетов”. А мы добавим, – не только государству, но и иным, вполне определённым силам, имеющим влияние и на государство: “Но если это случится, то горе государству в будущем. Щупальцы его отсохнут, ослабеют; ответом на всю его мрачную деятельность в прошлом будет неслыханная и дикая анархия, которая затмит собой все ужасы его прошлых войн; это будет слепой бунт людей, долго пребывавших во мраке; справедливое возмездие тем, кто полагает, что человек может быть доволен единым хлебом”.

Но и в таких условиях русская литература ещё продолжает жить. Ведь литература может закончиться лишь тогда, когда окончательно погаснет дух человеческий и народный. И в таких условиях она продолжает жить по каким-то неведомым законам, обществу, по сути, неизвестная. И, конечно, не там, где преобладает “успех”, а вместо литературного процесса всё ещё буйствует премиально-фуршетный дурман... Как она продолжает существовать в условиях устроенной ей информационной блокады? Попытка понимания этого и должна стать нашей первой задачей.

Но было бы наивностью и непростительным упрощением сводить эту “блокаду” литературы к открытому запретительству. Есть вещи поковарней и пострашнее чуткой цензуры. Бывает “болезнь”, неведомая земным врачам, поражающая человека и всё общество, о которой писал Ф. М. Достоевский

в “Преступлении и наказании”, когда люди начинают “сумасшествовать”: “Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нём одном и заключается истина, и мучился, глядя на других...”. Это периодически возвращающаяся “болезнь”. Это о ней, как о “повальном сумасшествии”, писал в “Окаянных днях” И. Бунин. Мы не знаем её природы, но мы знаем её причину – насилие над человеком, над его духовной сущностью, и видим её безобразные симптомы. И последствия, точно выраженные А. Блоком: “Когда осилила тревога, / И он в тоске обезумел, / Он разучился славить Бога / И песни грешные запел”. Она поражает всех без исключения, и в первую очередь тех, кто эти “блокады” устраивает, считая их “спасением”. Далеко не все в этой болезни уцелевают, но лишь те, кто находит в себе силу духа ей сопротивляться.

На этом фоне, в литературном, да и не только литературном безвременье удивительна творческая судьба поэта Николая Зиновьева. Родился он в 1960 году на Кубани, в станице Кореновской Краснодарского края. Ныне – город Кореновск. Там и живёт. Учился в профтехучилище и университете. Первая книжка стихотворений “Я иду по земле” вышла в 1988 году в Краснодарском книжном издательстве. Сегодня он автор многих книг и лауреат литературных премий. Вся его творческая жизнь пришлась на продолжающееся время подавления литературы в обществе, когда имена писателей если и удерживались в информационном пространстве, то не иначе как потускневшие ампулы предшествующего времени. Войти в общественное сознание новому имени, таланту, продолжающему русскую литературную традицию, стало практически невозможно. Для этого были перекрыты все пути. Прежде всего информационные. Нет, “литературная жизнь” продолжалась. Проходили шумные презентации и помпезные выставки, вручались бесконечные премии, не имеющие абсолютно никакого общественного значения. И чем всё это было крикливей, тем дальше от подлинной литературы...

С поэзией Николая Зиновьева произошло, казалось бы, невероятное – она всё более и более проникла в общество, причём в самые разные его слои. Это при том, что сам он по характеру и складу души не отличается общественной активностью. И всё-таки случилось то, что можно назвать феноменом Николая Зиновьева. А ведь установка на литературную традицию, на приверженность русской литературной классике для него принципиальна. Во времена предшествующие образованная часть общества была приучена к тому, что новое поэтическое имя появлялось не иначе как через натужное оригинальничанье, экзальтацию, бунт, скандал. Но такая “эстрадная” поэзия “шестидесятничества”, как теперь уже ясно, не удержалась ни на площадях, ни в душах людей. Это было predetermined предыдущим периодом, когда “гражданственность” поэзии понималась не иначе, как *революционность*. Со времён революционных демократов, со странной альтернативой “поэт” и “гражданин”, хотя за десять лет до некрасовского “Поэта и гражданина”, в 1846 году Ф. Глинка писал:

*И порицают лиры сына
За то, что будто гражданина
Условий не снесёт поэт...*

Литература зачастую толковалась или с точки зрения “передовых” революционных идей, или господствующей идеологии. До такой степени, что история русской литературы оказалась подменённой историей революционного движения, “освободительного движения” в собственной стране... Революционное сознание оказалось преобладающим во всех слоях общества. Традиционное же, – по сути, изгнано напрочь.

В самое нелитературное время стихи Николая Зиновьева нашли и находят отклик в широких слоях читателей, в том числе и вовсе далёких от литературы. Так случилось, видимо, потому, что он напоминает в своих стихах о чём-то для нашей человеческой и общественной жизни очень важном, традиционном, что некогда удерживалось в обществе, но оказалось утраченным. А почти единственный отклик читателей на его поэзию свидетельствует о том, что в людях сохранилась человеческая основа, что они давно уже ждали возвращения в нашу жизнь сокровенного смысла слова, духовных, литературных, человеческих понятий и представлений. Выбор пал на него, Николая Зиновьева.

Его стихи отличаются удивительным свойством — они злободневны и вместе с тем далеко не декларативны, от чего их спасает глубина и оригинальность мысли. Но главное состоит в том, что поэтический мир Николая Зиновьева отличается удивительной цельностью. Это — редкое явление в наше фрагментированное время. Такую цельность поэзии Зиновьева придаёт глубокая вера. Так может писать лишь истинно православный человек. Видимо, это в его стихах и привлекает внимание читателей, измученных смысловой кавкафонией и мировоззренческим плюрализмом.

Но менее всего хочется, указуя на него, сказать: вот истинно православный поэт, его эталон. Не хочется потому, что в наше время возвращение к исконной вере было понято слишком уж упрощённо. После долгого атеистического периода истории иначе, видимо, и не могло быть. Но факт остаётся фактом. Догматизм и начётничество оказались преобладающими. Ведь “духовная поэзия” остаётся всё-таки тематической. Она усваивает догмат, оставаясь в большей мере приверженной ему, а не образной природе. Большинство литераторов посчитали, что в нашей литературе наступила “тема православия”, как и всякая другая тема — производственная, сельская, военная... Совсем иначе обстоит всё в мире Николая Зиновьева, который постигает не только социальную, но прежде всего духовную сущность человека и жизни. А потому в его стихах есть то, что так разнится с общепринятым и казалось спасительным:

*Ужасная эпоха!
За храмом строим храм.
Твердим, что верим в Бога,
Но Он не верит нам.*

Каким-то неведомым чутьём он распознал, что нынешнее возвращение к вере не может быть таким простым, как это многим представлялось. Как не может быть возрождения Церкви при упадке творческой, производственной и в целом народной жизни:

*Вот сменила эпоха эпоху.
Что печальнее в этом всего?
Раньше тайно мы верили в Бога,
Нынче тайно не верим в Него.*

Это вовсе не значит, что поэт не знает радости обретения веры. Он просто не знает трагедии её утраты. А потому пишет так, словно исполняет некое послушание, поручение свыше. И исполняет его последовательно и достойно, ибо “Такое мнение бытует. Поэт лишь пишет. Бог диктует”. Вера в его мире не является лишь “темой”, но — человеческой сущностью. Это сказалось в полной мере уже в ранних его стихах, и как бы без всякого ученичества:

*Меня учили: “Люди — братья,
И ты им верь всегда, везде”.
Я вскинул руки для объятья
И оказался на кресте.*

*Но с этих пор об этом чуде
Стараюсь всё-таки забыть.
Ведь как ни злы, ни лживы люди,
Мне больше некого любить.*

В этом стихотворении уже была задана та духовная высота, от которой мы начали отвыкать. Между тем — извечное стремление истинно верующего человека — распознать и пойти крестным путём, который ему предназначен. Неизменное стремление, постигаемое русской поэзией. Скажем, в стихах А. Блока.

*Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалет гроздь, —*

*Когда палач рукой костлявой
Вобьёт в ладонь последний гвоздь, —*

*Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте...*

Да, разумеется, поэзия постигает и выражает жизнь: “Поэзия есть выражение жизни, или сама жизнь” (В. Белинский). Так скажет позитивист и материалист и не задастся вопросом: зачем нужна жизнь вымышленная, если есть жизнь настоящая? Потому что он остаётся на уровне *социальном*, не поднимаясь, не проникая на уровень *духовный*. Потому что он не знает извечного противоречия между искусством и жизнью: “Великий вопрос о противоречии искусства и жизни существует искони” (А. Блок). И если видит художника борцом, то не иначе как за переустройство и “улучшение” мира. Истинный же поэт ведёт борьбу за духовную природу человека, за удержание его на духовной высоте среди мировых сил зла, борьбу прежде всего в своей душе:

*Пусть речь моя порой бессвязна,
Пускай гребу одним веслом,
Одно в стихах должно быть ясно:
Что гибну я в борьбе со злом,
Во мне живущим ежечасно.*

Кажется, что можно было бы обойтись и без последней строчки — “Во мне живущим ежечасно” — ведь строфа вполне закончена. Нет, нельзя обойтись без неё, так как поэт спасает не мир, а свою собственную душу. Ведь мир спасётся лишь тогда, когда спасётся человек. И никак иначе.

Следы этой ничем не устранимой борьбы, происходящей в душе, мы постоянно видим в мире Николая Зиновьева. Это — “тоска существования”. У иных поэтов это — “недуг бытия”. У философов — “тяжба о бытии”. У великого М. Лермонтова — “жизни тяготень”. Это то извечное борение в душе человеческой, которое люди церковного звания точно называют *бранью духовной*. И всякое сомнение при этом является не следствием слабости поэта, а проявлением крепости его духа:

*Всё чаще я осознаю,
Что не могу спасти стихами
Ни душу бедную свою,
Ни жизнь, кишащую грехами.*

Стихи Николая Зиновьева по глубине и необычности мысли жесткие до беспощадности. Но мы были бы опрометчивы, если бы посчитали, что это и есть та *обличительность* мира, людей, всего сущего, во имя их “исправления”, свойственная нашей литературе в её революционно-демократическом направлении. Нет, конечно. И прежде всего потому, что всё в его стихах освящено идеалом веры.

*Ликуют Каины и Хамы,
И всё длиннее бедствий ряд.
Друзья мои, идите в храмы,
Пока они ещё стоят.*

*Пока в них славят Иисуса,
А не сгустившуюся мглу.
Пока усердно чья-то Муза
Всё ещё молится в углу.*

Поразительно точное соотношение веры и поэтического творчества, так редко встречаемое у наших нынешних поэтов. То соотношение, которое задано пятнадцатилетним М. Лермонтовым в его гениальном стихотворении

“Молитва” (“Не обвиняй меня, Всесильный...”) и которое так и осталось в нашем общественном сознании неуяснённым.

*Всюду попраны напрочь святыни,
Всюду славят Златого тельца.
Человек в беспредельной гордыне
Отвернулся от лика Творца.*

*Эти старые общие фразы
Я пишу, понимая вполне,
Что и ваши не новы гримасы,
И слова, что вы скажете мне...*

Но как быть “безвременья поэту”, как он себя называет, когда “Под погребальный марш прогресса/ Стремимся к бездне всё быстрее”, поэту, остающемуся в литературной традиции?.. Видимо, только так:

*Я взял классическую лиру,
Безмолвна каждая струна.
Играть не хочет лира миру,
Которым правит сатана.*

*Кто из поэтов не философ?
И мне мир нынешний не мил.
И я поставлен пред вопросом:
Сменить мне лиру или мир?..*

С творчеством Николая Зиновьева я знаком давно. Доводилось составлять его первую московскую книжку стихотворений “Дни, дарованные свыше”. И теперь, годы спустя, могу отметить некоторую эволюцию. Состоит она в том, что в его стихах последнего времени появилась “музыка”. Они стали более гармоничными и менее преднамеренно угловатыми, при сохранении глубины и необычности мысли:

*Я вспоминаю те года,
Когда заря не так алела,
Не так в реке текла вода,
А сердце вовсе не болело.*

*Душа сияла чистотой,
И васильки синели в поле.
Я б не ушёл из жизни той,
Не будь на то Господня воля...*

Или вот — “В гостях у мамы”. Сельское подворье, окутанное воспоминаниями детства:

*Стоит рассохшаяся кадка
И видит в снах себя с водой.
Здесь от царившего порядка
Остался отблеск золотой.*

Своё дарование, творчество он видит как Божие поручение.

*Пока я не пошёл ко дну,
Одетый в смертную сорочку,
Господь, даруй мне хоть одну,
Во мгле мерцающую строчку.*

И Господь воздаёт ему по вере его. И не одной строчкой, мерцающей именно “во мгле”... “Во мгле” нашего безверия...

Николай Зиновьев покори́л читателей не упованием на “новую литературу”, не установкой на её “современность”, помня о том, что “несовременного искусства не бывает” (А. Блок). Если, конечно, это искусство. Но — установкой на “классическую лиру”, вполне осознавая, как это “несовременно”, наконец, как это не выгодно в обществе, в котором рукотворно, наряду с “рыночной”, создаётся индустрия “новой литературы”.

И всё же ему удалось прорвать информационную блокаду, устроенную русской литературе. Причём, казалось бы, без каких-то особых усилий с его стороны. Удалось потому, что его мир, понимание вещей отличаются удивительной цельностью. Валентин Распутин назвал его поэтом *особенным*, что “его сравнить не с кем, там, откуда он берёт свои слова, никто никогда не бывал, это словно бы и не взгляд, и не суд современника, а доносящееся из земных глубин суровое и праведное о нас мнение тех, кто имеет на него право”.

Николай Зиновьев — человек редкого миропонимания для нашего невнятного времени, сочетающий большое поэтическое дарование и христианскую веру. В нынешней литературе это удаётся совсем немногим писателям. К сожалению, большинство литераторов не устояло под новым натиском революционного сознания, позитивизма и материализма, по сути, согласившись с этим попущением. Логика тут во все времена одинакова: “Мир меняется очень быстро, происходит размытие классической нравственности и морали, литература не успевает за этими процессами...” (Кирилл Алейников, “Литературная Россия”, № 36, 2019 г.). Слово в другие времена было иначе. Так было всегда. Но разве поэзия должна “успевать” за теми духовными вывертами, которым подвержен человек, впадая в искушение? Нет, конечно. Мало указать на то, сколь всякая плоть извратила путь свой на земле, так как указание на зло ещё не избавляет нас от него. Необходимо представить, как духовная сущность человека преодолевает зло этого мира, и прежде всего в себе самом.

Такое суждение о литературе, когда она должна за чем-то “успевать”, основано на перепутанности понятий, когда *духовное* объясняется *социальным*, так как социальность почиталась реальней и выше всякой трудноопределимой духовности.

И когда оказались поколебленными те основы, на которых мир стоял извечно, многие ринулись искать “новые”, “другие” основы, на которых мир и общество должны удержаться и обрести естественное состояние. Но никакой одной идеи, отмычки для этого не существует. Кроме как остаться человеку в пределах духовной природы, а поэту в пределах дарования, “По торжищам влача тяжёлый крест поэта...” (Я. Полонский). Ведь подобную невнятную ситуацию духовной нетвёрдости и мировоззренческой прострации мы переживали, и не столь уж давно. Для моих ровесников — это поколение наших дедов, переживших революционное крушение страны в начале XX века.

Припомним, как мучительно работал Александр Блок над поэмой “Двенадцать”. В условиях всеобщего отступничества, “богоискательства”, поисков “другого” символа веры, он задавался трудным вопросом: “Опять Он? А должен быть Другой?” И оставил в конце концов людей с Ним, с Христом. Правда, имя Спасителя поставив не в привычном синодальном написании — Иисус, а в старообрядческом — Исус, чего так и не заметили исследователи, а литераторы в большинстве своём поняли превратно. Значит, всё дело в том — устоял или не устоял поэт против этой извечной бездуховной напасти. И перед современным поэтом вновь предстаёт всё тот же вопрос, которым задавался Н. Гоголь: “Зачем ты не устоял противу всего этого?": “Если писатель станет оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиной неискренности или необдуманности, или поспешной торопливости его слова, тогда и всякий несправедливый судья может оправдаться в том, что брал взятки и торговал правосудием, складывая вину на свои тесные обстоятельства, на жену, на большое семейство, словом — мало ли на что можно сослаться. У человека вдруг явятся тесные обстоятельства... Потомство не примет в уважение ни кумовство, ни журналистов, ни собственную его бедность и затруднительное положение. Оно сделает упрек ему, а не им. Зачем ты не устоял противу всего этого?”

Но этот неизбежный вопрос встаёт теперь не только перед поэтами, но перед каждой живой душой. Если говорят, что теперь литература никому не нужна, что теперь не до неё, это свидетельствует о согласии с этим варварством. Свидетельствует о том, что “противу всего этого” не устояли. Неужто это

и должно определять жизнь личности, общества, народа, государства, страны?.. Но ведь не определяет и не определит...

По всем приметам такого поэта, как Николай Зиновьев, вроде бы и быть не должно. Впрочем, так уже было в миновавшем революционном XX веке. Так вопреки всему появился М. Шолохов, потом – Н. Рубцов... Таким теперь кажется и появление Н. Зиновьева... Вроде бы откуда ему было взяться после атеистического века, завершившегося разрушением русской литературной традиции? Всё это свидетельствует о том, что мы по обыденной логике всё-таки ждём поэта не оттуда, откуда он приходит...

Но теперь мы уже можем сказать, что поэт Николай Зиновьев против новой и очередной напасти, выпавшей на нашу долю, устоял. Об этом свидетельствуют его “во мгле мерцающие строчки”.